

И.А. Айзикова

**ТЕМА ЗАСЕЛЕНИЯ УРАЛА В УРАЛЬСКОМ,
СИБИРСКОМ И «СТОЛИЧНОМ» ТЕКСТАХ
О ПЕРЕСЕЛЕНЦАХ (1850–1890-е гг.):
ПРОБЛЕМА ДИАЛОГА**

В статье анализируется тема заселения уральского пространства, интерпретируемая в уральском, сибирском и «столичном» текстах о переселении в Сибирь, относящихся ко второй половине XIX в., как пересечение «цивилизационного рубежа» и вхождение в своеобразное «преддверие» Сибири. Обосновывается текстообразующая роль данной темы, развивавшейся в процессе культурного диалога местной и центральной печати, авторов первого и второго ряда, обращавшихся к проблеме русских переселенцев в Сибири.

Ключевые слова: текст, переселение в Сибирь, Урал, «свое» и «чужое», диалог культур.

Проблема русских переселенцев в Сибири второй половины XIX в. сегодня представляется достаточно изученной в историческом и социологическом плане. Она стала предметом изучения и в литературоведении, прежде всего, в сопоставлении с идеями сибирского областничества, а также в плане взаимодействия сибирской и «столичной» литературы, задающего уникальный вариант диалога, по ряду вне- и внутрилитературных причин активизировавшегося в 1850–1890-х гг. Нам приходилось уже писать об этом в монографии «Тема переселения в Сибирь в литературе центра и сибирского региона России 1860–1890-х гг.: проблема диалога», представляющей собой первую попытку комплексного изучения названных вопросов (см.: [1. С. 3–10]). В ней, на материале произведений отечественных классиков (Н.С. Лесков, А.П. Чехов, Г.И. Успенский), с одной стороны, и богатого массива документально-публицистических и художественных текстов, опубликованных в сибирских (прежде всего, томских) периодических изданиях и издательствах, исследуется отражение темы переселения в Сибирь в столичной и сибирской литературе второй половины XIX в. Материал изучен в свете теории

диалога и в контексте развития классической русской и сибирской литературы, их взаимосвязей и взаимодействия.

Между тем сюжеты заселения уральского пространства как своеобразного «преддверия» Сибири, в целом проблема уральского текста в литературе о переселенцах 1850–1890-х гг. до сих пор не только не изучены, но даже по-настоящему не выделены в самостоятельный объект исследования. И это при том, что темы пересечения переселенцами Уральского хребта, издавна имевшего статус границы, «цивилизационного рубежа», с течением времени обраставшего многогранной семантикой (см.: [2]); знакомства добровольных и вынужденных новоселов с уральской землей, *открывающей* им новое, «чужое» пространство, были чрезвычайно актуализированы и концептуализированы в русской литературе данного периода, как в столичной, так и в сибирской, что было обусловлено и русским общественным сознанием, и логикой художественного развития отечественной словесности. Более того, тяготеющие к документально-публицистической прозе материалы творчества Н.С. Лескова, Г.И. Успенского, Н.Д. Телешова, К.М. Станюковича, Н.М. Ядринцева, а также П.И. Небольсина, И.П. Белоконского, Е.П. Горбунова, Н.А. Горного, В.Л. Кигна (Дедлова), А.А. Кауфмана и целого ряда других авторов очевидно представляют собой особый корпус текстов, позволяющих осмыслить уральский текст в литературе о сибирских переселенцах как некую целостность, с которой связываются определенные смыслы и цели и которая, с одной стороны, опиралась на круг текстов об Урале, выходящих за обозначенные здесь хронологические и тематические границы, а с другой – на переселенческий текст русской литературы XIX в., что и определяет специфику уральского переселенческого текста и своеобразие его формирования. Внимание литературных потоков Урала, Сибири, Центральной России к указанным традициям подталкивало их к взаимодействию как к процессу, создающему новое целое. Это было развитие межлитературных и внутрилитературных отношений посредством диалога в бахтинском понимании данного термина.

Согласно М.М. Бахтину понимание возникает там, где встречаются два сознания, т.е. условием понимания уральского текста русской литературы о переселении в Сибирь является существование и уральского метатекста, и общерусского (столичного и сибирского)

текста о переселенцах в Сибирь, и наоборот. И диалог между ними был «не преддверием к действию, а самим действием». Он не раскрывал уже готовую специфику одной или другой литературной традиции, в процессе диалога эта специфика проявляла себя и, более того, «становилась ею для других и для себя самого» [З. С. 294]. Так же как нельзя было освоить тему переселения в Сибирь «извне», всматриваясь в нее из центра, точно так же невозможно было ее полное и глубокое освоение без специального внимания к теме заселения Урала. К обеим темам можно было подойти только диалогически, во-первых, путем разноуровневого «общения» столицы и уральско-сибирского региона и, во-вторых, взаимно инициируя самораскрытие встречных литературных традиций изображения Урала и переселения в Сибирь [З. С. 293].

Интересующие нас тексты, таким образом, организовывали своего рода многоголосие русского литературного процесса (и одновременно организовывались им), который развивался не по законам диалектики, а по закону сосуществования разных «голосов» и их взаимодействия, в результате которого открываются глубина и полнота конкретной темы, топоса, хронотопа и принципов их изображения в искусстве вообще.

Осмысление уральского текста о переселенцах необходимо начать с выявления круга репрезентативных текстов, их классификации и систематизации. В зависимости от критериев классификации можно выделить корпус публикаций в периодических изданиях и группу книжной продукции, материалы местной и столичной печати. Следует учесть и тот факт, что интересующие нас сочинения принадлежат установленным и анонимным авторам, относящимся к так называемому первому и второму ряду. Имеющиеся источники важно рассматривать с использованием хронологического принципа, что позволит поставить вопрос об эволюции темы переселенчества в уральско-сибирской и столичной литературе, развития их культурного диалога и фронтальной ситуации в данной сфере.

При первом же знакомстве с материалом обращают на себя внимание тексты, связанные с историей заселения Урала, открыва-

ющей историю переселенческого движения в Сибирь. Эту тему можно считать одной из ключевых в уральском, сибирском и столичном текстах о переселенцах в Сибирь. Назовем здесь лишь некоторые издания – журнальные и книжные, центральные и региональные, выстроив их в хронологическом порядке: Небольсин П.И. *Покорение Сибири*. Статьи 1–3 // *Отечественные записки*. 1848. Т. 60, отд. 2. С. 225–266; Т. 61, отд. 2. С. 35–92, 167–212; Пейзен Г. *Исторический очерк колонизации Сибири* // *Современник*. 1859. Т. 77, № 9. С. 9–46; Ермак: *Краткий очерк завоевания Сибири*. СПб., 1872; Садовников Д.Н. *Наши землепроходцы: (Рассказы о заселении Сибири)*. 1581–1712. М., 1874; Бущинский П.Н. *Заселение Сибири и быт первых ея насельников*. Харьков, 1889; Дуров А.В. *Краткий исторический очерк колонизации Сибири* (Томск, 1891); *Как заселялась Сибирь: Очерк*. Томск, 1895.

Среди этих материалов находим издания *просветительского, воспитательного, можно даже сказать, пропагандистского и научно-исторического* характера. И в тех и в других заселение Зауралья интерпретируется как начальный этап дальнейшего освоения Сибири, смоделировавший многие векторы этого процесса, заложивший его основы, идеологические, экономические, социальные, культурные и др. Примером просветительских изданий можно считать «рассказы о заселении Сибири» фольклориста, этнографа, поэта Д.Н. Садовникова (1847–1883) – «*Наши землепроходцы*» [4]. Эта книга, рекомендованная Особым отделом Ученого комитета Министерства народного просвещения для ученических библиотек средних и низших учебных заведений, для публичных народных чтений, для чтения кадетам старших классов, представляет собой рассказы о движении русских за Урал. Одной из центральных, очевидно идеализированных фигур выступает казачий атаман Ермак Тимофеевич, покоритель Сибири, в сентябре 1581 г. выступивший в поход за Урал. В заключительной главе с красноречивым названием «Беседа о прочитанном» автор с особой силой акцентирует главную мысль своего труда – о победе русского человека над суровой сибирской природой, у истоков которой находились «наши землепроходцы»: Ермак и его преемники Хабаров и Дежнев.

Несколько иные задачи решает очерк неизвестного автора «Как заселялась Сибирь», вышедший в Томске в 1895 г. отдельным изданием [5], которое является перепечаткой из «Томского листка». Анонимный очеркист опирается на «Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири» И.В. Щеглова, на труды Н.М. Ядринцева («Сибирь как колония»), П.Н. Буцинского («Заселение Сибири»), на «Историческое обозрение Сибири» П.А. Словцова и др. В очерке читателям рассказывается о еще более ранних походах русских за Урал – под предводительством Василия Скробы (1462), Федора Курбского и Ивана Тропина (1483), но главной фигурой завоевателя также предстает Ермак. Здесь к мотиву покорения, важнейшему в «рассказах» Д. Садовникова, присоединяется мотив даров, с помощью которых осуществлялись русско-сибирская и предвещающая ее русско-уральская «дипломатия» и мирное продвижение русских через Урал далее в Сибирь, дополняющее ее завоевание с помощью силы. Благодаря дарам, пишет очеркист, устанавливались отношения между сибирскими князьями и русскими царями, русскими поселенцами и государством, между Ермаком и остяками, Ермаком и царем Иваном Васильевичем и т.д. Интересен и показателен характер даров: Сибирь отдаривалась «собоями и белкой», а власть даровала «жалованные грамоты», позволявшие владеть зауральскими землями, заводить на них селения и пашни. Ермаку же в ответ на его победные походы против Кучума царь дарует вместе с прощением его преступлений деньги, сукно, серебряный ковш, шубу «с своих плеч» и два «богатых панциря», которые и принесли смерть покорителю Сибири (по легенде, Ермак, одетый в тяжелый панцирь, не смог переплыть Иртыш, уходя от врага).

Начало заселения Сибири автор очерка связывает с Указом царя Федора Иоанновича от 3 мая 1590 г., которым «повелено было» отправить из Сольвычегодска за Урал 30 хлебопашенных семей. При этом как об очень важном моменте сообщается о сборе денег и заготовлении имущества для переселенцев, который возлагался в виде повинности на местное население.

Научно-исторический и вместе с тем научно-популярный характер носят статьи «Покорение Сибири» [6. Т. 60, отд. 2. С. 225–266; Т. 61, отд. 2. С. 35–92, 167–212] русского этнографа, историка, члена Императорского Русского географического общества

П.И. Небольсина (1817–1893). Опубликованный в «Отечественных записках» в 1848 г. и вышедший в 1849 г. отдельной книгой, очерк открывается следующим утверждением:

Двести пятьдесят лет протекло с тех пор, как мы твердо укрепили в Сибири свое владычество, и всё еще Сибирь, для очень многих из нас, – та же terra incognita, какую она была и сто лет назад. <...> У нас нет даже справедливых сказаний о том, как Ермак покорил Сибирь! [6. Т. 60, отд. 2. С. 226].

Опираясь на лично собранные легенды о переходе Ермака через Уральский хребет, а также на материал летописей и царских грамот, Небольсин пытается восстановить историю первых русских поселений в Зауралье. Особый интерес автора привлекают в связи с этим две летописи, изданные Г.И. Спасским: Сибирская летопись Саввы Есипова и Сибирская летопись анонимного автора, вошедшая в историю под названием «Строгановская».

Небольсин обращает внимание читателей на вопрос об исторической роли пермских купцов Строгановых в заселении Зауралья. Сопоставляя, с одной стороны, точку зрения Есипова, практически исключавшего какое бы то ни было значение Строгановых в освоении земель за Уральскими горами и выдвигавшего на первый план «одного только Ермака», и с другой – анонимную «Сибирскую летопись», где, по мнению Небольсина, с самого начала подчеркивалось важное значение «именитых пермских солеваров... задолго до появления Ермака на сцене», очеркист указывает на то, что в Строгановской летописи из цитируемых царских грамот «выпускаются все те выражения, которые могут навести на след к правде». Именно «желание приплести к подвигу Ермака имя Строгановых», считает Небольсин, «и было причиной, что летопись неизвестного автора и даже неизвестного времени приобрела известность под именем «Строгановской», утвержденным за нею и Карамзиным» [6. Т. 60, отд. 2. С. 231–232].

Отдавая должное Карамзину как историку, очеркист всё же считает его взгляд на покорение Сибири ошибочным и обращается к позиции русского историографа Г.Ф. Миллера, «справедливо признанного отцом сибирской истории», которому «не казались

правдивыми» ни Строгановская, ни Есиповская летописи. В результате своих научных разысканий Небольсин заключает, что необходимо «следовать преимущественно летописи Есипова, не отвергая, однако ж, вовсе и Строгановской» [б. Т. 60, отд. 2. С. 235]. Исходя из этого, автор и строит свою работу далее. Во 2-й главе «Покорения Сибири» он описывает историю Зауралья до эпохи Ивана Грозного. Опираясь на карту, составленную Сигизмундом Герберштейном в 1549 г., он намечает границы Зауралья на восток, юг и север, называя Уральские горы «Земным поясом». Он перечисляет реки, населенные пункты, находящиеся на очерченной им территории, жившие там коренные народы (черемисы, вогуличи, югричи). Небольсин констатирует, что даже в середине XIX в. Зауралье всё еще считается частью Сибири, нередко эти понятия употребляются как синонимы, в связи с чем он, ссылаясь на упомянутую выше карту, пытается провести границу между Уралом и Сибирью: «...всё между Иртышом и Яиком называлось у Герберштейна Сибирью». В народе же, пишет очеркист, «Сибирью... попросту называли... все, что лежало за Камою и к северу, и к востоку» [б. Т. 60, отд. 2. С. 253]. В связи с этим обратим внимание на то, как Небольсин описывает походы Ермака: сделавшись владыкой всего Зауралья, ощутив себя героем, пишет очеркист, Ермак решил двинуться дальше – в сибирские земли, и столкнулся с поразившим его «запустением», «мертвой тишиной», безлюдьем, которым его встретила «заиртышская Сибирь».

Обратившись к проблемам временных границ заселения Зауралья, Небольсин утверждает, что эта «страна... задолго еще до Федора Иоанновича и Бориса Годунова», с именами которых традиционно связывают завоевание Зауралья и Сибири, «была очень хорошо знакома нашим промышленникам: торговые связи Великого Новгорода со странами закамскими и зауральскими, в XI–XIV столетиях, разумеется, в смысле мены продукта на продукт – не подвержены никакому сомнению» [б. Т. 60, отд. 2. С. 240–241].

Небольсин вообще склонен рассматривать идею военного покорения Зауралья, а потом и Сибири в тесной связи с идеей постепенного, довольно медленного, естественного, если так можно выразиться, освоения этих местностей русскими переселенцами, происходящего в результате экономических потребностей России и объективной необходимости исторического развития Урала и

Сибири¹. Автор берет во внимание и внутренние распри сибирских и уральских князей, и их столкновения с новоселами из Центральной России, и желание Ивана Грозного «не упускать Сибирь из виду и...крепко держать ее в своей могучей руке» [6. Т. 60, отд. 2. С. 259]. Небольсин подробно описывает процесс сближения России и Зауралья, происходивший путем обмена грамотами, отправки зауральских послов в Москву с богатыми дарами и просьбами к Ивану IV взять их территории под свое покровительство. Особую роль в этих процессах сыграло взятие Казани, которое, считает очеркиста, «продвинуло нас... к Аралтовой горе» [6. Т. 61, отд. 2. С. 35].

Автор отдает должное и промышленникам Строгановым, которые первыми в 1558 г. заявили царю о том, что «по ту сторону» Урала «есть места пустые, дикие, никем не обитаемые, никому не принадлежащие», и просили «позволения искать здесь рассол, варить соль, призывая работников, и рубить лес; но при этом обязывались поставить дворы, построить на свой счет городок, иметь при нем пушки и беречь нашу границу от ногайских и иных орд» [6. Т. 61, отд. 2. С. 35–36]. Царь дал Строгановым грамоту, по которой им разрешалось занять под безоборочное пользование земли, «подзывать к себе из Русского царства людей, только с условием, чтобы приманенные люди были не письменные и не тяглые, т.е. не утвержденные за поземельными владельцами и другими людьми кабальной записью». Запрещалось также принимать к себе «воров и боярских людей беглых с животом и татей и разбойников» [6. Т. 61, отд. 2. С. 36–37]. Кроме того, Строгановым была дана льгота на платежи податей «со стороны будущих пахарей, будущих колонистов» на 20 лет. Подобные грамоты, отмечает Небольсин, получили и другие русские промышленники. Так происходило заселение мест вдоль по рекам Сылва и Яйва, которое тут же вызвало недовольство остяков и вогуличей. Всё это, по мнению очеркиста, и разбивает, и одновременно поддерживает общепринятую версию о том, что Строгановы призвали Ермака на помощь, чтобы завоевать Сибирь.

¹ Он, например, утверждает, что, получив царскую грамоту на заселение зауральских земель, Строгановы не переходили через Урал еще 7 лет, так как не имели средств обустроить новые земли. Долгое время заселялось Предуралье.

В отличие от С. Есипова Небольсин не склонен не только видеть идею союза Строгановых и Ермака как безальтернативную, но и идеализировать последнего, который, с его точки зрения, «скрылся с Волги единственно для того, чтоб избежать заслуженной казни»:

...за тем именно избрал себе закамскую страну, что надеялся здесь беспрепятственно продолжать свои подвиги казачества со смиренными вогулами и остяками. Надежда на безнаказанность в краю далеком, уверенность в могуществе заряженного ружья <...> мысль обогатить себя без всяких опасений за собственную участь заставили Ермака избрать именно этот край театром своих будущих действий, польстили и собственному его самолюбию безбоязненно властвовать вдали от всех – и пришлось по плечу каждому из членов его воровского братства [6. Т. 61, отд. 2. С. 63].

Предположения очеркиста о возможных контактах Строгановых и Ермака не идут далее гипотез о завоевании атаманом строгановских земель, о вербовке им строгановских крестьян в свою шайку. При этом допускается мысль об абсолютной уверенности Ивана Грозного в объединении усилий Строгановых и Ермака и даже об измене царю со стороны промышленников. К счастью, пишет Небольсин, постепенно пришло осознание того, что «пока русские не осунутся на твердой основе» в Зауралье, а потом и в Сибири, «не построят городов, не населят их по возможности и не укрепят их пушками», «власть Руси в сибирском крае до тех пор будет шатка и непрочна». И хотя «правильной» колонизации Зауралья в это время еще не было, да и не могло быть, «мы скоро увидим, – пишет Небольсин, – правительственные меры к переселению в Сибирь хлебопашенных крестьянских семей» [6. Т. 61. Отд. 2. С. 170]. Последовавшие далее указы и «всюду разносившаяся молва о богатствах Сибири», отмечает автор, «послужили... доброму закваскою зауральской земледельческой населенности» [6. Т. 61, отд. 2. С. 176]. После сближения «закамских и зауральских стран» и заселения Зауралья, на что ушло не одно столетие, процесс освоения Сибири, по мнению Небольсина, пошел очень быстро:

50-ти лет не прошло со времен первого молодецкого поговиста в стороне зауральской – и уже русская держава крепко охватила всё пространство до самого Енисея [6. Т. 61, отд. 2. С. 179].

Труд Небольсина, имеющий вполне очевидную (имперскую) идеологическую основу, демонстрирующий концепцию постепенного и плавного, естественного исторического развития, заканчивается еще одной красноречивой установкой, характеризующей автора как антизападника:

Говорят, есть целые груды неизданных в свет трудов Петра Великого, и в этой грудке есть листок, с собственноручной его резолюцией насчет того, сколько лет еще нам остается учиться уму-разуму у Запада. <...> Говорят, Петр Великий определил даже и срок, когда мы поумнеем и когда нам пора уже будет приняться за свой Восток и думать только о России, учтиво отвернувшись от Европы. Желательно бы знать, как далеко мы от этого срока? [6. Т. 61, отд. 2. С. 212].

В «кратком очерке завоевания Сибири» «Ермак» покорение Сибири и отождествляемого с нею Урала, трактуемое как распространение царской власти на уральские и сибирские земли, как «благодатное» и «важное, неоцененное приобретение для России» [7. С. 23], интерпретируется и как распространение православной веры на восток и север Российского государства. «Уральского казака» Ермака и его «сотоварищей» очеркист называет «достопамятными» людьми, «усердно послужившими на пользу отечества и края» [7. С. 2], который они завоевали, и «христианскими витязями», «грудью стоявшими за область христианскую» [7. С. 10]. С точки зрения автора, Ермак завоевал Зауралье потому, что его воины «стреляли огнем», отличались «неодолимым мужеством» и, главное, шли на бой с молитвой на устах. В письме к царю Ермак, «человек весьма набожный», по характеристике автора, писал, что его казаки «шли на смерть и присоединили к России великую державу во имя Христа» [7. С. 19]. Иван Васильевич же, узнав о покорении Зауралья Ермаком, служил благодарственный молебен и раздавал бедным милостыню.

Параллельно в повествование вводится мотив предсказания сибирскими шаманами того, «что держава Кучума падет от нашествия христиан» [7. С. 10]. Мысль о завоевании Сибири как богоугодном деле подтверждается автором очерка и упоминанием царского повеления отправить за Урал 10 священников «с их

семействами для водворения православия в неверном крае» [7. С. 19]. И ниже описывая последовавшее за завоеванием заселение зауральского и сибирского края, автор указывает, что оно «совершалось в духе христианском; везде сооружались часовни, церкви, монастыри и соборные храмы. Где было зимовье, там крест или часовня; где крепость, там церковь». Однако тут же упоминается, что «для окончательного усмирения жителей Иоанн прислал туда несколько сот стрельцов» [7. С. 20].

Рассмотренные интерпретации мотива завоевания Сибири, понимаемой чаще всего широко, как пространство, располагающееся за Уральским хребтом, свидетельствуют о явной идеализации очеркистами процесса колонизации уральских и сибирских земель и колонизаторов (более сложная оценка в уральском тексте о переселении в Сибирь складывается только в отношении Ермака, о котором высказывались прямо противоположные точки зрения). Общепринятой можно считать идею колонизации Зауралья как способа открыть и данной территории, и Центральной России новую, лучшую жизнь.

В полном соответствии с этим находится и представление очеркистов о Зауралье как о «земле обетованной». Например, в рассмотренном выше очерке о Ермаке автор пишет о завоевываемых им землях как некоем почти потустороннем «благодатном крае», который может стать «неоценимым приобретением» для России [7. С. 25]. В описании этой «целой обширнейшей страны» на первое место вновь выходит мотив даров. Но на сей раз речь идет о дарах природы, которые она щедро «расточила» на Урале и в Сибири, представленных в очерке образами неиссякаемого рога изобилия, «сокровищницы богатства России». Сибирский регион и Урал, выделяемый автором в отдельную географическую единицу, возводится даже до образа «первозданного мира, каким он вышел некогда из рук Божьих... со всеми красотами творения» [7. С. 28].

Весьма показательным в этом плане является очерк «По обе стороны Урала (Памяти Бокля)» [8] известного публициста, высланного в 1863 г. под надзор полиции в Пермскую губернию, затем переведенного в Чердынь, Красноуфимск, работавшего врачом на уральских горных заводах В.О. Португалова (1835–1896). По сути, это – гимнический текст, торжественно и поэтически восхваляющий Урал. Прежде всего, воспевается красота уральской

природы. Очерк наполнен восторженными пейзажными описаниями, летними и зимними, дневными и ночными, горных и лесных местностей, восточной стороны Урала, тагильских ущелий и т.д. Урал, где даже «дышится легко и привольно» (с. 264), постоянно сравнивается с живописной Малороссией и Карпатами:

Удивительно хороша вся местность Урала. <...> Начиная от Перми... большая дорога вьется змеей, и вы непрерывно то поднимаетесь на высокую и крутую гору, то спускаетесь в живописную долину. Всё это покрыто густым, вечнозеленым лесом, в котором невольно привлекает ваше внимание то пирамидальная лиственница, то роскошная береза. Деревья подчас до того красивы, что так и хотелось бы снять с них фотографию [8. С. 262].

Или:

Если вы эстетик, здешняя природа вознаградит вашу самую прихотливую фантазию, и если вы владеете карандашом, смело отправляйтесь на Урал, потому что вы там найдете богатейший и неисчерпаемый материал для художественного воссоздания природы на бумаге или полотне [8. С. 264].

Прекрасные пейзажи сменяются такими же красивыми описаниями Екатеринбурга, «лучшего города Уральского склона», уральских сел «с красивой и высокой церковью посередине» [8. С. 262], горных заводов. Для примера приведем описание кыштымских заводов:

Это какой-то волшебный, очаровательный уголок. По дороге к этим заводам тянется целая система озер. <...> Наконец вы очутились в самом заводе, где возвышается барский замок – громадное строение во вкусе «умной старины», и по берегу роскошные дачи. Великолепные беседки украшают всякий выдающийся холмик; они соединены чистенькими дорожками, вдоль которых тянется бахрома из самых разнообразных цветов, там и сям журчит ручеек, через который перекинут красивый мостик. С вершины любого холма перед вами целый лабиринт дорожек, ведущих в самые роскошные оранжереи, где собраны многие экзотические растения и где в июле месяце уже зреет

ананас, французская слива, шпанская вишня, персик и дозревает виноград».

Эта картина, организуемая эпитетами «роскошный», «волшебный», «очаровательный», «великолепный», идиллическими образами холмов и ручьев, цветов и фруктов, беседок и «чистеньких дорожек», венчается логическим умозаключением автора:

Среди такой роскошной природы любовь сама собой напрашивается. Здесь нельзя не любить... [8. С. 264].

Во второй главе с упоением рассказывается о «неисчерпаемых», «едва тронутых человеком богатствах» природных ресурсов Урала, которые, по мнению автора, наряду с «легкой возможностью эксплуатировать его (Урала. – *И.А.*) природу» и «привлекают туда массу людей» [8. С. 267]. Теряясь даже в том, с чего начать перечисление «embarras richesses» и сбивчиво называя далее, иногда теряя логику, возвращаясь уже к названному, запасы различных металлов, драгоценных камней и минералов, каменного угля, соли, леса и всего, что там произрастает и обитает, плодородные земли, не хуже малороссийских, климат, не грозящий человеку ни ураганами, ни землетрясениями; ландшафт («нет бесконечных степей... непроходимых лесов» [8. С. 281]), удовлетворительные пути сообщения, Португалов использует ту же палитру «превосходных степеней»: «необычайное» «изумительное», «неистощимое», «не-сметное», «обильное богатство»:

Урал одарен на всем своем протяжении, во всю свою длину», утверждает автор, так что «где бы тут человек ни поселился, – к его услугам широкое и разнообразное поприще для плодотворной деятельности (с. 267); природа как нарочно наделила этого счастливец (Урал. – *И.А.*) всеми благами мира и... распределила эти блага так, чтобы всё у него было под рукой и одно другому не мешало» (с. 272)¹; вся природа окружающая говорит человеку, что

¹ В связи с этим автор отмечает предоставляемую почти всей территорией Урала уникальную возможность «устроить сложное хозяйство» (т.е. время, не занятое сельскохозяйственными работами, отдавать труду на горных заводах, обеспечивая тем самым круглогодичный доход), которое «свободно может распределяться между обоими полами довольно равномерно» [8. С. 276].

он здесь силен, что он здесь полный господин (с. 281); Урал представляет самое удобное поприще для человеческой деятельности и для цветущего развития культуры и цивилизации [8. С. 280].

Сравнивая Урал с Калифорнией, автор уверяет:

...если бы Урал составлял отдельное целое государство... этот край мог бы жить совершенно самостоятельною и независимую жизнью и притом в тысячу раз лучше и скорее, чем всякое другое пространство Европейской России [8. С. 267].

Урал так богат золотом, замечает очеркист, что «он давным-давно мог бы купить повелевающую им метрополию, держать ее на откупе или построить себе свою собственную» [8. С. 270]. Называя Урал «землей обетованной» (в русском общественном сознании этот миф был распространен на всю Сибирь), гораздо более цивилизованной, чем заиртышская Сибирь¹, и таковым его изображая, Португалов между тем убежден, что в этот край еще не пришел прогресс, потому что уральской земле недостает «энергии человека» образованного, заинтересованного в развитии края. Развивая мысль о будущем Урала, автор обращает свои взоры в прошлое, давая краткий очерк заселения зауральских земель. Он выстраивает свою концепцию истории колонизации Урала и подчеркивает, что этот «процесс шел тихо и медленно», что «с самого начала появления на Урале русских переселенцев уже слышны были жалобы», что «эти переселенцы были большей частью народ отпетый»: «Они являлись сюда с единственной целью наживаться и грабить, а потому первобытное туземное население сильно терпело и страдало от русских колонизаторов»; что присылаемые из Москвы воеводы, а позже чиновники и управляющие «смотрели на области как на средство к наживе и

¹ Очерк открывается описанием известного «высокого мраморного четырехугольного столба» с надписями «Европа» и «Азия», обозначающего границу этих двух частей света, но, по мнению Португалова, «вы можете проехать несколько сот верст во все стороны от этого столба и ничего, кроме этого столба не найдете, чем бы отличалась тут Европа от Азии. Та же местность, та же обстановка, те же люди, те же нравы и обычаи» [8. С. 262]. Европейский комфорт и цивилизация подчеркиваются автором в описании Екатеринбургского поместий золотопромышленников.

страшно обогащались, прибегая в своих вымогательствах к самым крайним жестокостям и притеснениям» [8. С. 287–288]¹.

Далее автор утверждает:

Урал сделался центром, куда стремилось всё, что постигало искусство эксплуатации. Это была не свободная колонизация <...>. Это было насильственное переселение огромного числа людей, навязывание этим людям совершенно чуждого им труда, потому что большинство заводов населено людьми, насильственно туда загнанными [8. С. 288–289].

Назвав практически все острые проблемы общерусского переселения в Сибирь, Португалов всё же констатирует объективность результата переселенческого движения за Урал:

Тем не менее край покорился наплыву пришлого элемента... и вместо вогулов, вотяков, зырян, пермяков очутились на Урале огромные поселения, состоящие из русского элемента [8. С. 288].

В духе западнической концепции Урала, о которой речь шла выше, Португалов отводит особое место в истории его колонизации фигуре Петра Великого «со времени которого... и начинается настоящая жизнь на Урале, потому что этот великий прогрессист положил на Урале прочное начало горному делу» [8. С. 288]. Логичным продолжением является авторский призыв к распрощанию на Урале просвещения, образования, к повышению уровня общественного сознания и «общественной совести»².

¹ Для примера Португалов описывает чердынского исправника, который, собирая с народа двойные подати, после смерти оставил после себя «амбары, до того переполненные всяким скарбом, что наследники лишь в последние годы стали покупать сахар, чай, мыло, хотя он умер лет 30 тому назад» [8. С. 289].

² Близким по пафосу оказывается очерк русского геолога, профессора минералогии Томского университета А.М. Зайцева (1856–1921) «Письма с Урала». Перепечатка из «Вестника золотопромышленности» (1898. № 3–6). Описывая с восторгом один за другим платиновые прииски Урала, богатства их запасов и красоту местности, где они находятся, автор делает следующее заключение: «Прощаясь с угольком Урала, где проведено более двух месяцев, мы невольно задумываемся над будущим этого, богато наделенного дарами природы, края. Он переживает, по-видимому, переходное время <...> его ждет, может быть, лучшее будущее» [9. С. 19].

Известный публицист Н.В. Шелгунов (1824–1891), заключая свой очерк «Сибирь по большой дороге» (1863), где образ Зауралья и сибирского переселенца был создан на пересечении нравственно-психологического анализа и эстетики «живых цифр», теми же словами, что и В.О. Португалов (он перечисляет природные богатства уральского и сибирского края и говорит, что на благоденствие его жителей, коренных и переселенных, само по себе это не оказывает большого влияния. С точки зрения Шелгунова, для дальнейшего развития этих регионов нужны «лучшие условия *всей нашей жизни*»), посвящает свое сочинение он противоположной задаче – демифологизации Урала и Сибири.

Так, описывая Пермь, он подчеркивает «мертвенность» города, нарушаемую по утрам только «бряцанием цепей арестантов, проходивших... под караулом; то же бряцанье повторялось вечером, когда арестанты возвращались с работы» [10. С. 298]. Ниже он изображает тяжелый женский труд на выгрузке соли у казенных соляных магазинов, свидетелем чего он стал лично. Перебравшиеся в Пермь из Центральной России горничные и кухарки, жены лакеев и камердинеров, никогда не знавшие ничего, кроме жизни в барском доме, эти женщины (как и их мужья) оказывались востребованными лишь для изнуряющей работы, которая в данном случае заключалась в следующем:

...каждая женщина принимала на судне мешок в два пуда, взваливала его на плечи, вносила по узкой, прямой, высокой лестнице... в самый верх, высыпала соль внутрь магазина, сбегала вниз, потом на барку, подставляла мешок работнику, тот насыпал его полный солью, и она с ним поднималась вновь под крышу магазина. За эту постоянную беготню в течение 12 часов с грузом вверх и вниз платится работнице 15 к. Разумеется, надо очень нуждаться в деньгах и жить в стороне, представляющей весьма слабую возможность их заработка, чтобы идти на такой бурлацкий труд за 15 копеек! <...> Еще хорошо, что явился и этот промысел. А то чем бы существовать мещанам в этом юном городе, где незаметно никаких признаков жизни, никаких признаков потребности в человеческом труде, никакого экономического и промышленного развития [10. С. 206].

Не менее тяжким физическим трудом добывали себе средства на пропитание мужчины. По дороге от Казани до Перми автор наблюдал плывшую с ним артель судорабочих из крестьян, приписанных «к какому-то частному заводу». Для уплаты разных податей и повинностей они плыли на заработок, так как «дома добыть деньги было решительно невозможно». Крестьяне отправились «в бурлачество»:

За провод судов от Перми до Казани каждый рабочий получал ровно столько, что, уплатив за место на пароходе и затем пройдя пешком 500 верст до своей деревни, он возвращался без копейки в кармане, употребив на такую выгодную работу два месяца. Очень может быть, что крестьяне эти, как новички, позволяли себе излишества, неизвестные бурлакам, т.е. кроме хлеба и воды ели иногда молоко или даже брали мясо; очевидно, что люди не умели справиться с заработанными деньгами, не умели рассчитать десять рублей так, чтобы им достало пяти рублей в месяц... Вот они и наказаны за нерасчетливость! [10. С. 211].

Ниже описывается труд екатеринбургских шлифовальщиков, страдающих чахоткой, «потому что приходится дышать постоянно тонкой пылью наждака. <...> Но что же делать рабочему, когда не от него зависит, быть или не быть шлифовальщиком? <...> Одно средство нашли рабочие, чтобы хотя несколько ослабить вредное влияние наждаковой пыли. Они курят махорку и откашливают мокроту, смешанную с наждаком» [10. С. 214]. Шелгунова и Урал, и Сибирь 1860-х гг. поражают бедностью. «Преувеличенные же толки» о богатстве этих мест, считает публицист,

...произошли от того, что богатства отдельных личностей принимались за богатства всего населения. <...> То, что я видел... не напоминало ничем ни богатства, ни благоденствия края [10. С. 222].

Внося свой вклад в демифологизацию Урала, суровую правду, основанную на статистических данных о переселении на уральские земли во второй половине XIX в., предлагает читателям известный сибирский публицист Н.М. Ядринцев (1842–1894) в очерке «Судьба русских переселений за Урал» (1879) [11]. Он характеризует этот

процесс, прерывающийся только в зимние месяцы, направлением «как с запада на восток, так иногда и обратно» и отсутствием «управления этими передвижениями, куда они направлялись, об этом мало кому знать доводилось. Почему некоторые идут назад хмурые, измученные – также неизвестно» [11. С. 141]. Определяя общий вектор колонизационного движения, автор отмечает, что переселенцы «проникают в Сибирь», «как всякое стихийное народное движение, происходящее из потребностей народно-исторической жизни» [11. С. 144], неостановимым и «неуследимым» (в силу большого количества самовольных переселенцев) потоком через Пермскую и Оренбургскую губернии, а затем, по различным трактам, направляются на Курган, Ялуторовск, Тюмень, Усть-Каменогорск, через Барабинскую степь, чтобы соединиться в общее колонизационное течение в Томской губернии, которая до 1865 г. была еще не доступна для переселенцев. В 1870-е гг. в нее уже идут и едут из Тамбовской, Воронежской, Самарской и даже Пермской и Оренбургской губерний. Так, с начала 1870-х гг. в Томскую губернию, указывает Ядринцев, переселилось из Пермской губернии почти 1200 человек, из Оренбургской – около 500, из Уфимской – около 100 человек.

Это движение «нищей Расеи» от Урала всё дальше и дальше на восток Ядринцев называет «внутренним переселением», «второй волной переселения», ее причина, как и первой, малоземелье, безлесье, маловодье на уже заселенных территориях и обещание больших земельных наделов в Западной и Восточной Сибири. Такой же «землей обетованной», какой раньше виделся Урал, переселенцам теперь представлялся Алтай с его «богатым черноземом», который переселенцы-пытовщики несли в платочках показать остальным, чтобы уже всем вместе двинуться на новые земли. «Слухи о новых местах волнуют постоянно русское крестьянство, и оно, – пишет автор, – преисполнено стремлением отыскать» какое-то мифическое пространство, «где хорошо живется»:

Под влиянием этого переселенец забивается всё глуше и глуше. Найдет ли когда-нибудь русский переселенец... желаемую страну приволья, счастья... Бог знает. Несомненно только, что она управляет его колонизационным стремлением [11. С. 150–151].

«Незаметно, скромно, рядом никому не известных подвигов и неустанного народного труженичества совершается великая крестьянская работа», – резюмирует Ядринцев [11. С. 156]. Но это бесконечное, хаотичное движение по Зауралью в поисках лучшей жизни беспокоит автора потому, что никому непонятно, как крестьянин разорвал прежние отношения, как установил новые. «Как переселенец идет, потому что ему нужно идти, так он и селится, потому что ему нужно где-нибудь сесть», – пишет очеркист, констатируя чреватую многими проблемами (включая изгнание новоселов с незаконно заселенных мест) обособленность законов и реальных ситуаций заселения на любой земле, представляющейся крестьянину свободной: «Вы что за люди и как вы смеете строиться тут? ...Это чья земля, ваша что ли», – спрашивает становой переселенцев, получая в ответ: «А тебе что! Жаль что ли ее? Известно – земля Божья, вон ее сколько, бери и себе» [11. С. 152]. Современные переселенцы в этом отношении напоминают автору «вольницу и гулящих людей, которые, в поисках за привольем на востоке скоплялись целыми тысячами на Урале» в самом начале переселенческого движения.

Не менее драматично, по мнению Ядринцева, и так называемое «обратное переселение», когда под влиянием тяжелых условий переселенцы, не найдя себе счастья в Сибири, отправлялись назад, на Урал, «где лучше будет: говорят, в Пермской губернии есть места, а то Оренбургскую хвалят» [11. С. 160]. Такое «возвращение» окончательно подрывало силы многих переселенцев, совершавших, по убеждению автора, «историческое призвание заселения русской земли». «Эти факты бедования, побирания по миру в самых благословенных местах», безрезультатного кружения по Зауралью – яркая «демонстрация горькой судьбы населения... странной участи народа, идущего тысячи верст, совершающего невероятные подвиги труженичества, чтобы найти себе обетованную землю, и встречающего... один смертельно беспощадный приговор: «Не поправится!»» [11. С. 160].

В заключение подведем некоторые итоги исследования описанных материалов, сам факт существования которых может и

должен быть осмыслен как важнейшая страница в богатой и сложной истории идентификации и самоидентификации урало-сибирского региона в качестве особого не только в географическом, но и в культурном плане пространства.

Границы уральского, сибирского и столичного текстов о заселении Урала, ориентированные в интерпретации этой текстопорождающей темы на весьма широкую амплитуду смыслов – от мифологизации до демифологизации уральской земли как преддверия Сибири и процесса ее завоевания, и строго очерчены, и открыты одновременно. Именно в силу этого в них вошел целый пласт сочинений, принадлежащих писателям разных российских топосов – уральского, сибирского, московско-петербургского. Интерес русской литературы, столичной и региональной, к данной теме обнаруживается не только в пристальном внимании авторов к этому социально-историческому явлению, но и в их настойчивых попытках ввести эту тему в литературу, в активных и плодотворных жанрово-стилевых поисках, инициированных ее освоением, и самое главное, в диалоге, составленном названными литературными потоками по поводу переселенчества. К теме переселения за Урал обратились одновременно и классики, и полупрофессиональные писатели, авторы, занимающиеся проблемами переселенцев по зову совести и по долгу службы. И те и другие были первопроходцами в разработке темы, в силу чего и начали ее освещение в так называемых «промежуточных» жанрах (проблемная статья, путевые заметки, обзоры, письма), находящиеся вне литературных норм, в которых можно было *открыть* средства для новаторских решений проблемы развития русской литературы. Эти жанры выражали самую суть стиливых исканий отечественной словесности пореформенного, переходного, периода. Они позволяли обратиться к реальности, к достоверному будничному факту, найти плодотворные возможности взаимодействия литературы и жизни, субъективного и объективного, лирического и эпического, художественного и документального начал. Сама природа «переселенческой» темы требовала, чтобы прошли годы, прежде чем слово о русском переселенце на Урале и в Сибири дошло до читающей публики в собственно художественном жанре рассказа, повести или цикла рассказов через преломление в «промежуточных» жанрах, в публицистике.

Литература

1. Айзикова И.А. Введение // Айзикова И.А., Макарова Е.А. Тема переселения в Сибирь в литературе центра и сибирского региона России 1860–1890-х гг.: проблема диалога. Томск, 2009.
2. Анисимов К.В. Образ Урала в записках западноевропейских и русских путешественников // История литературы Урала. Конец XIV–XVIII в. М., 2012. Ч. 7, гл. 1. С. 338–356.
3. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979.
4. Садовников Д.Н. Наши землепроходцы: (Рассказы о заселении Сибири). 1581–1712. М., 1874.
5. Как заселялась Сибирь: очерк. Томск, 1895.
6. Отечественные записки. 1848.
7. Ермак, или Краткий очерк завоевания Сибири. СПб., 1872.
8. Португалов В.О. По обе стороны Урала: (Памяти Бокля) // Дело. 1872. № 2. С. 262–294.
9. Зайцев А.М. Письма с Урала. Томск, 1898.
10. Шелгунов Н.В. Сибирь по большой дороге // Н.В. Шелгунов. Сочинения. Т. 1. СПб., 1871.
11. Ядрищев Н.М. Судьба русских переселений за Урал // Отечественные записки. 1879. № 6. С. 141–160.

THE URAL SETTLEMENT TOPIC IN THE URAL, SIBERIAN AND “CAPITAL” TEXTS ABOUT SETTLERS (1850S–1890S.): PROBLEM OF THE DIALOGUE

Text. Book. Publishing. 2014, no. 3 (7), pp. 23–44.

Aizikova Irina A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: wand2004@mail.ru

Keywords: text, resettlement to Siberia, the Urals, “own” and “alien”, dialogue of cultures.

The paper analyzes the topic of the Ural space colonization that is interpreted in the Ural, Siberian and “capital” texts on resettlement in Siberia dating back to the second half of the 19th century as crossing the “civilization frontier” and entering a kind of a “threshold” of Siberia. The text-forming role of the topic is explained. It developed in the process of the cultural dialogue of the local and central press, the authors of the first and second rates who addressed the issue of Russian settlers in Siberia. A significant body of material is devoted to the history of settlement of the Urals that opens the story of migration movement in Siberia. The analyzed interpretations of the Siberia development motive, often understood broadly as the space located behind the Ural Mountains, clearly indicate that the essayists idealized the colonization of the Ural and Siberian land and the colonizers (only the Ural text on resettlement in Siberia about Yermak has a more complex evaluation, opposite points of view were given in his respect). Generally accepted is the idea of the Trans-Urals colonization as a way to give a new and better life both to the territory and to Central Russia. This representation is consistent with the essayists’ idea of the Trans-Urals as the “promised land”. Yet, the Ural, Siberian and capital texts on resettlement in Siberia have an opposing trend – to demythologize the Urals and Siberia. In general, it is concluded that the materials on the topic can and should be understood as an important

page in the rich and complex history of identification and self-identification of the Ural-Siberian region as a space special not only geographically, but also culturally. Boundaries of the Ural, Siberian and capital texts about the settlement of the Urals oriented at a very large amplitude of meanings in the interpretation of this text-generating theme – from mythologizing to demythologizing the Ural land and the process of its conquest – are strictly delineated and open at the same time. This is why these texts include a number of works belonging to writers of different Russian toposes – the Urals, Siberia, Moscow-St. Petersburg. The interest of Russian literature, metropolitan and regional, in the topic is not only found in the close attention of the authors to this socio-historical phenomenon, but also in their persistent attempts to introduce this topic in literature, in the active and fruitful genre-style searches initiated by its development and, most importantly, in the dialogue of the described literary streams over resettlement.

References

1. Ayzikova I.A. *Vvedenie* [Introduction]. In: Ayzikova I.A., Makarova E.A. *Tema pereseleniya v Sibir' v literature tsentra i sibirskogo regiona Rossii 1860–1890-kh gg.: problema dialoga* [Migration to Siberia in literatures of the capital and Siberian region of Russia in 1860–1890-ies: to the problem of the dialogue]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2009.
2. Anisimov K.V. *Obraz Urala v zapiskakh zapadnoevropeyskikh i russkikh puteshestvennikov* [The image of the Urals in the notes of the Western European and Russian travelers]. In: Blazhes V.V., Sozina E.K. (eds.) *Istoriya literatury Urala. Konets XIV–XVIII v.* [History of the Ural literature. The late 14th–18th century]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2012, pp. 338–356.
3. Bakhtin M.M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's poetics]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1979. 468 p.
4. Sadovnikov D.N. *Nashi zemleprokhodtsy. (Rasskazy o zaselenii Sibiri). 1581–1712* [Our explorers. (Stories about the settlement of Siberia). 1581–1712]. Moscow: I.N. Kushnerev i K Publ., 1874. 198 p.
5. *Kak zaselyalas' Sibir'. Ocherk* [How Siberia was populated. An essay]. Tomsk, 1895.
6. *Otechestvennye zapiski*, 1848.
7. *Ermak, ili kratkiy ocherk zavoevaniya Sibiri* [Ermak, or a short essay on the conquest of Siberia]. St. Petersburg, 1872.
8. Portugalov V.O. *Po obe storony Urala (Pamyati Boklya)* [On either side of the Ural (in memory of Buckle)]. *Delo*, 1872, no. 2, pp. 262–294.
9. Zaytsev A.M. *Pis'ma s Urala* [Letters from the Urals]. Tomsk, 1898.
10. Shelgunov N.V. *Sochineniya* [Works]. St. Petersburg, 1871. Vol. 1.
11. Yadrintsev N.M. *Sud'ba russkikh pereseleniy za Ural* [The fate of the Russian migrations beyond the Urals]. *Otechestvennye zapiski*, 1879, no. 6, pp. 141–160.